

по французски, когда не умѣешь?); третью для меня вовсе не существовали—я ихъ презиралъ совершенно. Мое сом-
ме *il faut* состояло, первое и главное, въ отличномъ фран-
цузскомъ языкѣ и особенно въ выговорѣ. Человѣкъ, дурно
выговаривавшій по французски, тотчасъ же возбуждалъ во
мнѣ чувство ненависти. Второе условіе сомме *il faut* было
погти длинные, отчищенные и чистые; третью было умѣнье
кланяться, танцевать и разговаривать; четвертое было рав-
нодушіе ко всему и постоянное выраженіе нѣкоторой изящ-
ной, презрительной скуки...»

Ничѣмъ, можетъ быть, такъ наглядно не обрисовывается, въ нашемъ современномъ свѣтскомъ характерѣ воспита-
нія, вся пропасть, все разительное несоответствіе между на-
ружнымъ эстетическимъ благообразіемъ, шлифовкою и внут-
реннею безсодержательностью и ничтожностью въ этическомъ
смыслѣ, какъ этимъ понятіемъ сомме *il faut*ства, за кото-
рымъ теперь такъ всѣ гоняются, обезьянничая одинъ съ
другаго; низшее сословіе съ высшаго! Кавелинъ, правъ былъ,
говоря, что «человѣкъ до виртуозности выдрессированный
съ виду для жизни въ обществѣ, въ «свѣтѣ», можетъ ока-
заться, въ то же время, презрѣнійшимъ негодяемъ и мер-
завцемъ въ нравственномъ отношеніи...» *)

Проявленія истинной компльфотности, какъ выраженіе
внутренняго, присущаго человѣку добрао начала его нрав-
ственной природы, должны быть естественны и свободны,
безъ какого либо усиленія съ его стороны, ибо внутренняя
эта комильфотность есть ничто иное, какъ внутренняя по-
рядочность, въ соединеніи съ любовью къ людямъ безъ раз-
личія ихъ общественнаго положенія. Въ этомъ смыслѣ, позд-
нѣйшій гр. Толстой, Толстой XII-го тома называетъ здѣсь
часто «хорошимъ обществомъ»—общество не князей и гра-

*) «Задачи этики».